

К вопросу о соотношении визуального взгляда и фокуса внимания в лингвистике

О. Г. Твердохлеб

В настоящей статье обращается внимание на некоторые точки соприкосновения визуального и языкового восприятия, важные для новой парадигмы знаний — когнитивной науки. Демонстрируются факты, показывающие, что отражение объективной реальности и визуальными, и языковыми средствами обязательно еще и интерпретируется нашим сознанием, что, видимо, и обуславливает связь между визуальным взглядом (в реальной жизни органами зрения; в кинокадре; на фотографии и т.п.) и фокусом интереса в дискурсе. Так как при интерпретации мира говорящим распределение синтаксических функций между участниками описываемой ситуации может варьироваться (например, при помощи русских активных и пассивных конструкций, функционирующих на уровне простого предложения), в данной работе рассматривается также вопрос о неизосемических репрезентациях семантических актантов в субъектной сфере предложения (в частности, в позиции подлежащего с активной формой глагола) в результате диатетического сдвига (то есть изменения синтаксической позиции участника с определенной ролью и изменения его коммуникативный ранга).

Человек существует в многообразном мире вещей, ситуаций, слов. Внешний мир отражается в нашем сознании посредством органов чувств. Общеизвестно, что 90% всей информации люди получают через глаза.

Однако сегодня наука доказала, что действительно люди слышат не ушами и видят не глазами, а *«соответствующими участками коры, покрывающей оба полушария головного мозга»* (Энциклопед. 2000, Т.18: С.255).

Обратимся к общеизвестным научным фактам. Еще немецкий физик Герман Гельмгольц (1851-1894) установил, что по законам оптической физики на моментальном снимке, сделанном сетчаткой глаза, окружающий мир запечатлен вверх ногами. Именно таким поначалу видят его и новорожденные. По мере развития ребенка мозг вносит коррективы в перевернутую картинку (см. об этом: Энциклопед. 2000, Т.18: С.255).

Наличие у человека двух глаз создает разное визуальное восприятие реальной действительности одним и другим глазом: сделав снимки сначала с точки левого, а потом правого глаза, мы получим несколько отличные изображения на двух фотографиях.

Следовательно, образы в зрительных центрах левого и правого полушарий головного мозга не совсем одинаковые (Энциклопед. 2000, Т.18: С.225), и только *«мозг устанавливает связи между участками зрительной коры в обоих полушариях и, получая информацию слева и справа, строит единый образ предмета, скрадывая недостатки зрения каждого глаза»* (там же).

Один из ведущих современных лингвистов, американский лингвист Н.Хомский в своем курсе лекций, прочитанных в 1987 году в Университете Манагуа, указывает, что только у человека, в отличие от животных, система глаз-мозг, следуя принципу неизменности, может интерпретировать неизменный объект в движении (например, плоская фигура в форме круга при повороте на 90 градусов «видится» не как плоская и изменяющаяся, вплоть до превращения в линию и полного исчезновения, а неизменно в форме вращающегося круга). Н.Хомский приводит и другой пример феномена, получившего название кажущегося движения (возникающем, в частности, на экране телевизора) (Хомский 1996; С.178).

Как утверждает современный психолог В.П.Зинченко, «...сознание не только рождается в бытии, не только отражает и, следовательно, содержит его в себе, разумеется, в отраженном или искаженном свете, но и творит его» (Зинченко 1991: С.17), ибо у развитого современного взрослого человека воспринимаемое структурируется, а структуризация воспринимаемого и вся его организация оказываются «тесно связанными с процессами не только бессознательной классификации сенсорных ощущений, но и с процессами категоризации и концептуализации мира» (Кубрякова 1996: С.19). Эта мысль является ключевой для когнитологии. Знания человека о мире при этом «фиксируются именно в языковой форме, они не что иное, как семантическая система языка» (Касевич 1990: С.12). По мнению известного советского психолога А.Р.Лурии, «кодирование речевого сообщения проходит сложный путь от мысли к развернутому высказыванию. Он начинается с возникновения мотива, рождающего потребность что-то передать другому человеку; потребность воплощается в замысле, или мысли, которая представляет собой лишь самую общую схему сообщения. С помощью механизма внутренней речи мысль и ее внутреннее представление перекодируется в глубинно-синтаксическую структуру и, наконец, в линейно упорядоченное развернутое высказывание» (Лурия 1975: С.51).

Язык обладает многообразными способами представления одного и того же события, по-разному выделяемого из общесобытийного потока. Т.В.Шмелева «языковое воплощение некоего положения дел в действительной ситуации» называет пропозицией (Шмелева 1988: С.9). Основными репрезентантами типовых ситуаций, согласно вербоцентричной концепции в лингвистике, являются глаголы. С 60-х гг. прошлого века в рамках универсальной синтаксической теории, предложенной А.А.Холодовичем, глагол рассматривается как занимающий центральную (ядерную) позицию в синтаксической конструкции. Называемую глаголом языковую ситуацию следует отграничить от денотативной ситуации, ибо языковая ситуация, представляющая «вырезанную и обработанную языком денотативную ситуацию», обозначает не только денотативную ситуацию, но и «отношение говорящего к этой ситуации, что проявляется в способе включения данной языковой ситуации в общий контекст языковых ситуаций» (Храковский 1974: С.9). Проследим, как на прагматической выделенности сказывается фокус интереса – «предмет, именуемый выделенной составляющей и представляющий для говорящего наибольший интерес, т.е. находящийся в фокусе его внимания в данный момент». (Кубрякова 1996: С.24—25).

В динамичной, быстротечной реальности говорящий, описывающий окружающий мир, и сам динамичен: точки осмотра у человека при его взаимодействии с окружающей действительностью все время меняются. А.Родченко писал: «Здания, ...проходя по улице, ты видишь снизу вверх»; «улица со снующими авто и пешеходами» рассматривается «тобою с верхних этажей», ее же «ты ловишь взглядом из окна трамвая, авто»; многое, «сидя в аудитории, в театре, ты видишь сверху вниз» (Родченко 1982: С107). Кадр из фильма как бы соотносится с фотографией. Ю.Тынянов писал, что на фотографии места, хорошо знакомые зрителю, кажутся незнакомыми: «то, что в природе существует только в связи..., на фото выделено в самостоятельное единство. Тем самым фиксация «в миллионы раз преувеличивает индивидуальные черты вида и как раз этим вызывает эффект «несходства». (Тынянов 1977: С.335). Таким образом, при передаче окружающего на фотографии несколько меняется и сам окружающий мир. Подобным образом формируется и высказывание. А.Р.Лурия считал, что программа высказывания формируется под контролем постоянно следящего устройства, обеспечивающего «сознательный выбор нужных речевых

компонентов из многих альтернатив». (Лурия 1975: С.42). Действительно, выдвижение в поверхностной структуре достигается разными способами: «логическим ударением в живой речи, помещением языковой формы в значимые позиции текста, отклонением от обычного словоупотребления или за счет повтора одной и той же языковой формы» (Кубрякова 1996: С.21). При этом синтаксическую конструкцию, которой задается фокусировка внимания на том или ином участнике, Е.В.Падучева, апеллируя к терминологии из: [Мельчук, Холодович 1970], называет *диатезой* (Падучева 1999: С.35, 37), а изменение синтаксической позиции участников с определенными ролями, в результате которого участники меняют коммуникативный ранг — *диатетическим сдвигом* (Падучева 1998: С.17). «Обычно именованная одушевленных «участников» описываемых событий, особенно людей, бывают более выделенными, чем имена неодушевленных или абстрактных сущностей» (Кубрякова 1996: С.24—25). Существенность всего того, о чем говорится, определяет для слушающего, по крайней мере, частично, референцию подлежащего: «...нам достаточно знать подлежащее предложения – знать, относится ли оно к индивидууму (или объекту), чтобы выдвинуть ожидания о том, что из содержания речи будет для нас существенным» (Кубрякова 1996: С.24). И если в позиции подлежащего с активной формой глагола репрезентируются одушевленные участники ситуации, перед нами будет прямая диатеза. Для иллюстрации вышеизложенных положений интересны результаты экспериментов (с компьютерным мультфильмом о плывущих с двух концов экрана рыбки, в момент встречи съедающих одна другую, и о визуальной фокусировке на одной из рыб при помощи специального визуального средства) американского лингвиста Р.Томлина, показывающие, что нахождение референта в фокусном внимании – это необходимое и достаточное условие того, чтобы данный референт был кодирован подлежащим в конструкции с определенным залогом глагола, по крайней мере, в английском языке (подробнее см.: Кибрик 1994: С.133—135). Как считает А.А.Кибрик, «славянское подлежащее также, вероятно, связано с фокусным вниманием» (там же: С.135).

Сопоставим разбивку какого-либо сюжета на планы (рисунки и их фрагменты) в кинематографии с дискурсом, определяемым в лингвистике как связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами (Арутюнова 1998: с.137). В своих лекциях, о чем пишет режиссер Г.Амиржанов, Михаил Ромм приводил в качестве примера отрывок из «Пиковой дамы» А.С. Пушкина, где присутствуют монтажные формы и разбивка на планы: «Из карет поминутно вытягивались то стройная нога молодой красавицы, то гремучая ботфорта, то полосатый чулок и дипломатический башмак. (Крупный план – острый образный прием: «часть вместо целого». Мог ведь написать, что «из карет поминутно выходили то красавица, то военный, то дипломат». Но нет! Пушкин прослеживает взгляд героя. Кареты очень высокие, и на уровне взгляда Германа, повернувшегося в сторону карет, оказываются именно ноги). Шубы и плащи мелькали мимо величавого швейцара. (Опять взгляд героя. Германн видит только спины, а не людей. Поэтому – шубы и плащи.)». («Наука и жизнь», 1997, №1 — С. 140—141). В приведенном языковом отрывке событие описывается с учетом участников этого события и их знаний. При интерпретации мира говорящим распределение синтаксических функций между участниками описываемой ситуации может варьироваться. Поэтому, языковая структура при «отражении цельного фрагмента действительности» (Храковский 1974: С.27) — в зависимости от точки зрения говорящего на **долю** каждого участника в осуществлении ситуации располагает средствами (если необходимо снизить роль одушевленного участника, соответственно устранив его репрезентацию из синтаксической структуры предложения), акцентировать другой элемент ситуации, репрезентировав его в субъектных позициях. Так появляются производные диатезы с *неизосемическими* (по терминологии Г.А.Золотовой – Золотова 1998) способами репрезентации в субъектной сфере участников ситуации, названных неодушевленными

именами, и с глаголами в активной форме типа *Плащи и шубы мелькали* (вместо: *Люди мелькали*).

На связь восприятия и языка указывает и гештальт-психология. В частности, Дж.Лакофф пишет, что «мысли, восприятия, эмоции, процессы познания, моторная деятельность и язык» организованы с помощью одних и тех же структур - *гештальтов* (Лакофф 1981: С.359). Описанное согласуется также и с важнейшими выводами нейрологии о том, что в процессе эволюции человека за языковую деятельность стали отвечать отделы головного мозга, первоначально специализировавшиеся на обработке визуальной информации. Таким образом, выдвигание предмета, находящего в фокусе визуального интереса (и в частности «киновзглядом»), имеет определенные соответствия с изосемическими или неизосемическими репрезентациями на поверхностном уровне высказывания наиболее активного - с точки зрения говорящего - участника денотативной ситуации в позиции подлежащее (именительный падеж) при глаголе в активной форме.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. — 2-е изд.- М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — С.137.
1. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопр.психологии, 1991, №2 — С.14—36.
2. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М., 1998. — 528 с.
3. Касевич В.Б. Язык и знание // Язык и структура знания.— М., 1990.— С.8—25.
4. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // -Вопр.языкознания,1994, №5. — С.126—139.
5. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. — М., 1996.— 245 с.
6. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.Х. Лингвистическая семантика.— М.: Прогресс, 1981.
7. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. — М., 1975.
8. Мельчук И.А., Холодович А.А. К теории грамматического залога. (Определение. Исчисление). НАА. № 4, - 1970.
9. Падучева Е.В.Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопр.языкознания, 1998, №5.— С.3—23.
10. Падучева Е.В. Семантика глаголов выбора // Изв. АН. Сер.лит. и яз. Т.57.1999, №2. — С.19—26.
11. Родченко А. Статьи. Воспоминания. Автобиографические записки. Письма. — М., 1982.
12. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М., 1977.
13. Хомский Н. Язык и проблемы знания // Вестник Московского университета, Сер.9: Филология, 1996, №6 — С.157—185.
14. Храковский В.С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. Л., 1974. — С. 5—45.
15. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык» / Краснояр. ун-т. Красноярск. 1988. - 54 с.
16. Энциклопедия для детей. Т.18. Человек. Ч.1. Происхождение и природа человека. Как работает тело. Искусство быть здоровым / Глав. ред. В.А.Володин. — М.: Аванта+, 2001.— 464 с.